

Митрополит Иларион: личная встреча человека с Богом – это то, ради чего существует Церковь

8 июня 2013 года гостем телепередачи «Церковь и мир» на телеканале «Россия-24», которую ведет председатель ОБЦС митрополит Волоколамский Иларион, стал телеведущий и журналист Владимир Молчанов.

Митрополит Иларион: Дорогие братья и сестры! Христос воскрес! Вы смотрите передачу «Церковь и мир». Сегодня мы будем говорить о Церкви и интеллигенции. У меня в гостях телеведущий и журналист Владимир Молчанов. Здравствуйте, Владимир!

В. Молчанов: Здравствуйте, Владыка. За последние двадцать пять лет я второй раз говорю на эту тему - «Церковь и интеллигенция». Первый раз это случилось в 1988 году на улице Неждановой в церкви Воскресения Словущего, где меня крестили. Я тогда разговаривал с архиепископом Питиримом – настоятелем этого храма. Он играл для меня на виолончели. И мы обсуждали тему «Церковь и интеллигенция». Мы говорили о двух литургиях – Чайковского и Рахманинова, которые при жизни композиторов не были исполнены в храмах. Литургия Чайковского лишь была исполнена, когда он скончался, а литургия Рахманинова в русском православном храме на территории тогдашнего Советского Союза прозвучала в 1987 году, спустя семьдесят лет после того, как он ее написал, хором под управлением Минина. С этого мы начали наш диспут: существует ли конфликт между Церковью и интеллигенцией? Или это придумано? Что Вы думаете по этому поводу?

Митрополит Иларион: Во-первых, сначала надо определить, что такое «интеллигенция», потому что само это слово понимается очень по-разному. Интересно, что в иностранных языках такого слова нет. Хотя само слово имеет латинский корень, но оно не переводится ни на английский, ни на французский. Когда хотят это слово перевести, особенно в русском контексте, его так и переводят – intelligentsia, то есть как перевод с русского. Само по себе это говорит о том, что понятие интеллигенции, которое у нас сложилось в XIX веке, уникально для России, для российского контекста. Тогда интеллигенция понималась как класс образованных и свободомыслящих людей, как класс носителей прогресса – прежде всего, в смысле французского просвещения. И во многом эта интеллигенция была нецерковной или даже антицерковной.

Конфликт между Церковью и интеллигенцией на рубеже XIX-XX столетия был довольно острым. Именно интеллигенция готовила и свержение монархии, и удар по Церкви, и ниспровержение всего того традиционного жизненного уклада, который складывался в России на протяжении

веков. Были, конечно, какие-то попытки наладить контакт между Церковью и интеллигенцией: это и религиозно-философское общество начала XX века, это и сборник «Вехи». Авторы, опубликовавшие свои статьи в «Вехах», пытались навести мосты между Церковью и интеллигенцией. Но все это, к сожалению, проваливалось в бездну предреволюционного хаоса, виновником которого стала как раз интеллигенция.

Но это – история. А сегодня открываются совершенно другие возможности, потому что нынешняя интеллигенция в значительной своей массе воцерковлена. И поэтому диалог между Церковью и интеллигенцией не отмечен тем антагонизмом, который существовал на рубеже XIX и XX веков.

В. Молчанов: Вы были рукоположены в 80-х годах.

Митрополит Иларион: В 1987 году.

В. Молчанов: Вы знали старое священство. Ощущали ли Вы, что в советскую эпоху настоящая интеллигенция была безусловным союзником Церкви, потому что Церковь уничтожалась, священство расстреливалось. Церковь как бы противостояла власти, а удел интеллигенции – быть отстраненной от власти. А когда все изменилось и Церковь заняла те позиции, которые она занимает сегодня, у некоторой части интеллигенции (я подчеркиваю, у некоторой) возникло неприятие официоза, официальной позиции Церкви.

Митрополит Иларион: Надо сказать, что Церковь не была активной противницей власти в советское время. Церковь была гонимой. Церковь была практически уничтожена в 20-30-е годы. В 40-е она немножко воспряла в результате того, что политика государства по отношению к Церкви поменялась во время войны. Но в 50-60-е она снова превратилась в объект жестких гонений, и практически до самого конца советской власти оставалась гонимой. Вы назвали очень важную для нас дату – 1988 год. Это 1000-летие Крещения Руси, когда по сути дела, Церковь впервые вышла из катакомб, когда впервые о Церкви заговорили с экранов телевизоров, когда прошли массовые шествия – крестные ходы по всей стране и когда началось то церковное возрождение, которое продолжается сейчас. Действительно, в 70-80-е годы у определенной части интеллигенции наблюдалось ярко выраженное стремление к сближению с Церковью. Довольно много представителей интеллигенции приходили в Церковь. Причем часто окольными путями – через философию, через увлечение буддизмом или йогой – они в конце концов находили себя в Православной Церкви.

Нельзя сказать, что в советское время Церковь была в открытой оппозиции к власти, потому что ее официальная позиция (как ее выражал Патриарх и Священный Синод) была позицией лояльности. Другое дело, что Церковь продолжала осуществлять свою миссию, которая по сути

дела была государством запрещена.

В. Молчанов: Я внимательно слежу за тем, что происходит в Церкви в последнее время. Мне кажется, что по естественным причинам определенная часть молодого священства стала значительно менее интеллигентной, чем была при советской власти, значительно менее образованной. Это тоже интеллигенцию несколько раздражает. Вы не согласны с этим?

Митрополит Иларион: Может быть, это и было для нас характерно в 90-е годы, когда открылось столько священнических вакансий, что их просто невозможно было заполнить образованными людьми. Иной раз архиерею приходилось ставить не очень подготовленного и даже не очень подходящего для этого дела человека просто, чтобы хоть кто-то там служил. Но ситуация стала выправляться уже в конце 90-х и, особенно в 2000-е годы, когда Церковь стала постепенно повышать образовательную планку. Сейчас у нас есть официальное требование, что каждый священник имел высшее образование – либо светское, дополненное духовным, либо просто духовное. Сегодня для необразованного, мало знающего человека очень трудно соответствовать этим критериям, которые становятся все более и более высокими. И это хорошо, потому что в современной ситуации, когда Церковь является видимой частью общества, когда священнослужители присутствуют в публичном пространстве (не только у себя в храме, где священнику многое могут простить, потому что прихожане его знают и любят, но и за пределами храма, где каждое слово священника оценивается иногда с враждебных позиций). В этой ситуации мы не можем себе позволить иметь священников неинтеллигентных, необразованных, некомпетентных в каких-то областях. Мы сейчас работаем над тем, чтобы создать духовенство нового поколения.

Я возглавляю такую духовную школу, которая называется Общецерковная аспирантура и докторантура. Ее создал Святейший Патриарх Кирилл сразу после того, как взшел на Патриарший престол. Мы установили очень высокую планку. Например, у нас каждый студент должен как минимум свободно владеть одним иностранным языком и еще одним – пассивно.

В. Молчанов: В 1987 году моя телепрограмма стала первой в СССР, которая показала некающегося священника. Это был владыка Питирим. Когда я снял его, мне три месяца не разрешали его выпустить. Уже тогда, в 1987 году, государство стало бояться интеллигентных, мыслящих священнослужителей. Сегодня по телевидению мы часто видим священников, выступающих с проповедями, ведущих телепрограммы. Когда это люди культурные, высокообразованные, это очень интересно. Но не кажется ли Вам, что здесь некоторый перебор – особенно когда речь идет о ряде протоиереев, которые начинают менторским тоном поучать нас в различных ток-шоу?

Митрополит Иларион: Недавно у нас было заседание Высшего церковного совета. Это такой орган управления Церковью, который был создан Святейшим Патриархом недавно для координации работы различных синодальных отделов. Мы там говорили об информационной политике Церкви. И я как раз сказал, что очень важно не просто говорить людям какие-то истины, но и говорить их в правильном тоне, потому что тот менторский тон, о котором Вы говорите, а иной раз, и агрессивный тон, с которым священник может обращаться к предполагаемой пастве, отталкивает и отпугивает людей. Он не может сделать людей сторонниками Церкви. К сожалению, действительно бывает так, что священнослужитель, появляющийся на телеэкране, вместо того, чтобы говорить с людьми спокойно, убедительно, тихо, скромно, говорит с ними агрессивным тоном. Конечно, это отталкивает людей.

В. Молчанов: Я и сам частично прошел через это. Такая выраженная позиция интеллигенции: «Мне не нужен посредник между мной и Богом. Я могу сам разговаривать с Богом вне общения со священником». Но потом я заметил, что на главные церковные праздники – будь-то светлое Христово Воскресение или Рождество – меня все равно тянет в храм. Я не могу не пойти туда. Но у некоторой части интеллигенции осталась такая позиция. Откуда это?

Митрополит Иларион: Есть такой стереотип, что священник пытается поставить себя между человеком и Богом, но на самом деле – он может помочь другому человеку обрести свой путь к Богу. Священник никогда не должен ни подменять, ни заслонять Бога. Священник, как Иоанн Предтеча, который готовит людей к принятию Христа, но когда приходит Христос, он отступает в тень. Мы всегда говорим, что личный религиозный опыт человека, личная встреча человека с Богом – это то, ради чего существует Церковь, это то, ради чего совершаются церковные таинства. Но, с другой стороны, мы говорим, что ни одно церковное таинство не может совершиться без священника – ни таинство Евхаристии, когда мы причащаемся Тела и Крови Христа под видом хлеба и вина, ни таинство исповеди, когда мы называем свои грехи и получаем от Бога, не от священника их отпущение. Но происходит это через священника.

В. Молчанов: Меня потрясло одно высказывание Антона Павловича Чехова: «Я давно перестал верить в Бога и с изумлением смотрю на верующего интеллигента». Не кажется ли Вам, что некоторой части интеллигенции гораздо легче поверить в Бога, нежели в институт Церкви?

Митрополит Иларион: Противопоставление Бога и института Церкви – искусственное. Более того, это противопоставление сознательно придумывают враги Церкви, чтобы ее дискредитировать и тем самым воспрепятствовать людям приходить к Богу – ведь Церковь создана не людьми, а самим Христом. Другое дело, что люди созидали Церковь. Она созидалась человеческими руками. Но Сам Христос доверил людям это созидание. Ведь если бы Он захотел, Он Сам мог прописать правила церковной жизни. В конце концов, собственноручно что-то

написать. Но он ничего этого не сделал. Он передал всю реализацию того, что Он хотел создать на земле, Своим ученикам – апостолам. Они создавали Церковь. Они ее создали такой, какой она дошла до наших дней. Конечно, что-то менялось в культурном плане, в плане миссионерской стратегии. Но по своей сути и по своей структуре Церковь остается такой же, какой она была создана апостолами. Поэтому утверждения о том, что Бог – это хорошо, а Церковь – это плохо, что в Бога я готов поверить, но Церковь не готов принять, – в лучшем случае, основаны на недостаточном знании христианства, а в худшем случае – это сознательное противление Богу, которое облекается в одежды так называемого антиклерикализма. По сути дела те, которых сегодня называют малопонятным словечком «антиклерикалы», это безбожники, это люди, которые открыто идут против Церкви.

В. Молчанов: Вы думаете, что против Церкви открыто идут именно безбожники. Вспомним эти периодические волны атак на Русскую Православную Церковь. Не кажется ли Вам, что это не удел интеллигенции – атаковать Церковь, что это происходит совсем по другой причине? Что это нападки не на Церковь, а на некую малую часть священства, чьи поступки или высказывания вызывают сомнения у людей?

Митрополит Иларион: Я не хочу сказать, что мы сами совсем не даем поводов для критики, и когда критика бывает конструктивной и доброжелательной, она нам полезна, и мы ее принимаем. Но когда мы встречаемся с агрессивной кампанией, которая использует ложь и клевету, мы понимаем, что это заказная кампания или кампания, которая исходит людей, сознательно враждебных Церкви. И этот фактор нельзя исключить.

В. Молчанов: Никогда не мог понять, кому это выгодно. Нас крестят в Церкви при рождении и нас отпевают в ней, когда мы уходим.

Митрополит Иларион: Есть люди, которых не крестят и которые не хотят, чтобы их отпевали. Христос, когда создавал Церковь, предупредил Своих учеников, что они не будут жить в хороших условиях, что они будут гонимы, что их будут неправильно воспринимать, что их слова будут перетолковывать, что они будут становиться мучениками за веру, за Христа, за Евангелие. В ходе истории эти гонения принимали разные формы. Но были они всегда.

Служба коммуникации ОВЦС